

ЧУДОТВОРНАЯ ФЕОДОРОВСКАЯ ИКОНА БОЖИЕЙ МАТЕРИ В XII–XVI ВЕКАХ: ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Чудотворный Феодоровский образ Пресвятой Богородицы, на протяжении веков пребывающий в Костроме и ныне хранящийся в костромском Богоявленско-Анастасиином кафедральном соборе, иногда называют загадочной, таинственной иконой. Действительно, мы не имеем документальных сведений ни о времени написания Феодоровского образа Богоматери, ни о первом периоде его истории (до явления в Костроме), а свидетельства о судьбе святыни до XVII столетия требуют серьезного научного анализа. Церковным и светским ученым с XIX века и до нашего времени довелось заниматься такой работой, по крупицам воссоздавая прошлое прославленного образа Царицы Небесной. Результаты этих исследований очень интересны и назидательны: они приумножают традиции почитания костромской святыни, открывают ее глубокие связи с историей нашего Отечества.

Феодоровская икона Божией Матери – двухсторонняя: на ее лицевой стороне изображена Пресвятая Богородица с Превечным Младенцем, а на оборотной стороне написан образ святой великомученицы Параскевы Пятницы. Изображение Богоматери весьма сходно с Владимирской иконой Царицы Небесной (такой иконографический тип называется «Умиление»); самое заметное отличие – не прикрытая одеждой ножка Богомладенца на Феодоровской иконе. По виду сохранившихся фрагментов древней живописи и по манере письма чудотворного Феодоровского образа предлагались различные датировки его написания, начиная с первой четверти XII века. Сейчас полагают, что икона могла быть создана ростовскими или владимирскими мастерами, следовавшими получившим широкое распространение на Руси в XII – первой половине XIII века иконописным традициям Византии [34, с. 10].

В церковной литературе можно встретить мнение, что Феодоровская икона Божией Матери написана апостолом и евангелистом Лукой в I веке по Рождестве Христовом – но такое утверждение безосновательно, его нельзя назвать даже преданием. Выдающийся костромской церковный историк и краевед протоиерей Павел Островский (дядя знаменитого драматурга А.Н. Островского) еще в 1864 году указывал [21, с. 11], что о написании Феодоровского образа апостолом Лукой впервые заявил – и

непонятно, по какой причине – известный литургист XIX века протоиерей Григорий Дебольский (видимо, в его популярной и донине переиздающейся книге «Дни богослужения Православной Церкви», первое издание которой вышло в 1837 году [см, напр.: 10, с. 226]).

Первое известное нам описание чудотворного образа относится лишь к XVII столетию, оно сохранилось в костромских писцовых книгах 1627–1630 годов [23, с. 257–259]. Изложение некоторых событий, связанных с иконой, мы встречаем в старинной службе Феодоровскому образу Царицы Небесной – но и это богослужебное последование было составлено лишь в XVII веке (выдвинутую костромским священником Василием Соколовым в 1901 году гипотезу о написании данной службы между 1275 и 1480 годами [31, с. 235] другие исследователи не поддержали [15, с. 37–38; 28, с. 95]). Главным же источником сведений по истории Феодоровского образа в XIII–XVII веках является «Сказание о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери» (далее – Сказание), составленное в XVII веке и имевшее три различные редакции, отличающиеся как своим объемом, так и точностью изложения некоторых фактов; каждая из редакций представлена большим или меньшим количеством письменных документов – списков (в XVIII веке игумен Макариево-Унженского монастыря Леонтий составил еще одну редакцию Сказания, ее текст был выявлен исследователями лишь в наши дни). Уже составитель первой редакции – традиционно называемой минейной или милютинской и появившейся вскоре после событий 1613 года – печалился, что старинные записи по истории Феодоровской иконы погибли в бедственных обстоятельствах Смутного времени, а устные рассказы людей, хранивших эти записи, не лишены противоречий:

«Како исповем или како хощу написати, или что реку или что повем о сей пречюдней иконе, или что возглаголю, кое же слышах от много добре ведущих иже у себя имуще писание до разорения литовских людей и полских. И аз с ними много беседовах и вопроша их и сладце слышах от них, и ови глаголаху тако, инии же инако, но мню, яко сему быти истине, еже хощу повести сей коснуться и написати, дабы незабвены были дела Божии и Пречистыя Его Матери нашея Заступницы и Ходатаицы всемирныя рода христианского» [28, с. 287].

С XIX века было сделано очень многое для прояснения спорных моментов в истории Феодоровской иконы. Первым, кто попытался исследовать Сказание, был уже упоминавшийся нами протоиерей Павел Островский [22, с. III–XV; 21]. В начале XX века изучением Сказания занимались профессор Московской духовной академии А.П. Голубцов [8] и костромские исследователи: священник Василий Соколов [31], протоиерей Иоанн Сырцов [33], преподаватель Костромской духовной семинарии И.В. Баженов [3, 4, 30]. Наиболее основательным сочинением на данную тему стала работа священника (впоследствии протоиерея) Димитрия Лебедева [15]; эта рукопись, подготовленная в 1913 году, буквально чудом сохранилась в XX веке и была напечатана в 2010 году попечением Б.К. Коробова. В советское время – несомненно, вследствие

особого почитания Феодоровского образа Пресвятой Богородицы в царственном Доме Романовых – научные исследования, связанные с этой иконой, велись весьма скромно и имели преимущественно искусствоведческий характер [напр.: 6, 9, 17]. Но с девяностых годов XX века стали публиковаться научные работы, непосредственно связанные со Сказанием [5, 11, 20, 29]. Статья о Сказании была включена в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» [12]. В 2010 году (спустя почти век после написания) вышла из печати уже упоминавшаяся монография протоиерея Димитрия Лебедева, а в 2011 году в Москве состоялась защита кандидатской диссертации О.Н. Радеевой на тему «Сказание о Феодоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII веков» – самого масштабного исследования этого литературного памятника за все время его изучения [28]. Из сочинений, рассматривающих историю иконы в целом, укажем на работы архиепископа Костромского и Галичского (ныне митрополита Астанайского и Казахстанского) Александра [2] и Е.Л. Тихомировой [34].

Приступая к рассказу об истории Феодоровской иконы в XII–XVI веках, отметим вслед за процитированным выше книжником XVII столетия: главное для нас – воздать должное почитание Господу и Его Преподобной Матери, прославить неизменную и превосходящую границы нашего понимания любовь Царицы Небесной к человеческому роду. В рассуждениях же об исторических обстоятельствах – иногда спорных, неоднозначных – будем прислушиваться к мнениям ученых, но не забывая при этом: чудеса милости Божией превосходят и законы естества.

* * *

История чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери прослеживается по старинным преданиям с XII века – когда этот образ Царицы Небесной, еще не называвшийся Феодоровским, пребывал в Городец, небольшом городе на левом берегу Волги (сейчас Городец – районный центр Нижегородской области). Важным источником сведений о городецком периоде истории иконы служит «Летописец об убиении благоверного князя Георгия Всеволодовича», созданный в XVII веке, а в конце XVIII столетия вошедший в состав известного литературного памятника – «Легенды о граде Китеже». Высказывалось мнение, что «Летописец...» составлялся на основании древней городецкой летописи XII века [5, с. 141]. Согласно этому повествованию, в 1164 году великий князь Георгий Всеволодович, прибывший в Городец, стал свидетелем чуда от находившейся здесь иконы Пресвятой Богородицы (будущей Феодоровской) и в память об этом основал монастырь.

Историки XIX века – обоснованно указывая на то, что святой благоверный великий князь Георгий Всеволодович в действительности жил в 1188–1238 годах – сочли, что зафиксированные «Летописцем...» предания имеют в виду великого князя Георгия (Юрия), но не Всеволодовича, а Юрия Владимировича Долгорукого, при этом

описываемые события происходили в середине XII столетия. С такой трактовкой согласились и костромские исследователи начала XX века. Например, известный священнослужитель и церковный историк протоиерей Иоанн Сырцов в своем сочинении 1908 года так описывал первое чудо от будущей костромской святыни:

«Городец был построен, по одному из преданий, более правдоподобному, князем Юрием Долгоруким в 1149–1152 годах. Раньше здесь был небольшой поселок с именем Малый Китеж. В поселке на кладбище была деревянная часовня, и в часовне стояла особенно чтимая местными жителями икона Божией Матери, называемая «Одигитрия» (Путеводительница). Построив город, князь Юрий Долгорукий и граждане пожелали перенести икону в город и поместить в главном городском храме.

С этой целью был устроен на кладбище торжественный крестный ход. Но Матери Божией не было угодно перенесение Ее святой иконы на другое место: икону не могли сдвинуть с места. Тогда князь, духовенство и граждане порешили, оставив икону на старом месте в часовне, устроить здесь в честь Божией Матери монастырь. Монастырь был устроен и икона оставалась в монастыре, чтимая гражданами Городца за чудотворную, до разорения города полчищами монгола Батыя, нахлынувшими в пределы Волги в XIII столетии» [33, с. 3–4].

В 1994 году было высказано предположение, что создатель древнего городецкого летописца излагал все же события 1164 года, но писал о деяниях святого благоверного великого князя Андрея Боголюбского (принесшего из киевских пределов в севернорусские земли величайшую святыню нашего Отечества, чудотворную Владимирскую икону Божией Матери), а именование князя Георгием появилось в повествовании при позднейшем редактировании [5, с. 144]. Действительно, именно святой Андрей в 1164 году был великим князем владимирским, и путь его славного военного похода – в том же году – на волжских болгар проходил через городецкие земли.

Такая версия событий выглядит убедительной, но все же ее нельзя назвать единственно верной. В летописных источниках упоминания о монастыре в Городце отсутствуют, первые документальные сведения об этой обители – получившей, уже после прославления чудотворной иконы в Костроме, название Богородице-Феодоровской – относятся лишь к восьмидесятым годам XVII века. Однако святой благоверный великий князь Андрей Боголюбский действительно мог быть свидетелем чуда, мог основать тогда же (в 1164 году) монастырь, где впоследствии пребывала икона; в этом нас убеждает, пожалуй, вовсе не случайное упоминание его имени в повествовании Сказания о битве при Святом озере в 1262 году (подробнее об этом мы скажем далее). Согласно Сказанию, костромской князь Василий Ярославич взял с собой на битву Феодоровский образ Божией Матери, «вспомнявше великаго князя Андрея Боголюбскаго, како вождаше с собою чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Владимирския, егда хождаше на брани, да помогает ему, и многия рати

противных победы и болгары с нею повоева» [30, с. 218].

Городецкий период истории чудотворной иконы завершился в скорбную эпоху монголо-татарского нашествия. В феврале 1238 года войска Батыя захватили и сожгли Городец, а образ Царицы Небесной исчез из города. Четыре столетия спустя составитель Сказания напишет:

«Не восхоте бо Пресвятая Владычица наша Богородица образу Своему чудотворному быти на пуге месте, но восхоте Господь Бог наш Иисус Христос прославити Матере Своея чудотворный образ, и еже изволи Пресвятая Владычица наша Богородица сему делу быти, и датися Ей во одержание град Кострому и пределы его во славу, честь и хвалу из Нея рождшемуся Господу Богу нашему Иисусу Христу» [30, с. 210].

В XX веке сложилось мнение о том, что после исчезновения из Городца чудотворная икона – будущая Феодоровская – могла оказаться у святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского, сопутствовать ему в поездках и военных походах, быть личным моленным образом прославленного князя, молитвенника и защитника Русской земли. Такое предположение виделось весьма вероятным и было поддержано церковной общественностью [19, с. 74] – тем более, что следующий период истории святыни связан с младшим братом святого Александра, костромским князем Василием Ярославичем.

Кроме того, в XX столетии и в наши дни были высказаны предположения о написании Феодоровской иконы Божией Матери лишь в XIII веке, по заказу отца святого Александра Невского – великого князя Ярослава Всеволодовича, носившего в крещении имя Феодор (от этого имени, как полагают авторы гипотез, произошло и название чудотворного образа). С.И. Масленицын считал, что икона написана в 1239 году в связи со свадьбой Александра Невского [17, с. 156–158]. С.Г. Виноградова полагает, что икона создана в 1218–1219 годах в память воссоединения Ярослава Всеволодовича с его женой Феодосией (отнятой у Ярослава его тестем, князем Мстиславом Мстиславичем Удалым) и рождения у них первенца, сына Феодора [7, с. 107–108]. Однако эти предположения чисто умозрительны, не имеют обоснования в документальных источниках, а именование иконы по христианскому имени великого князя – весьма маловероятно [5, с. 137]. И, как отмечает О.Н. Радеева [28, с. 114–115], со свадьбой Александра Невского действительно могла быть связана история чудотворной иконы Божией Матери – но не Феодоровской, а другой, принесенной из Полоцка [36].

Т.В. Юрьева – указывая на то, что христианское имя Феодор давалось сыновьям великих князей с XI века (такое имя носил и старший брат Александра Невского, умерший в 14-летнем возрасте), делает предположение:

«Вполне вероятно, что Феодоровская икона Божией Матери была семейной святыней, передававшейся из поколения в поколение в княжеской семье, где одним из традиционных имен было имя Федор. Вполне возможно, что икона должна была

достаться старшему сыну Ярослава Всеволодовича, но поскольку тот рано ушел из жизни, икона возникла на свадьбе Александра Невского, именно ей как семейной и родовой святыней благословили Александра Невского на брак.

Таким образом, имя чудотворной иконы связывает ее с долгой историей возможного ее наследования по линии великих русских князей» [38, с. 204].

Но эта гипотеза также умозрительна и противоречит свидетельству Сказания о том, когда и при каких обстоятельствах чудотворный образ получил именование Феодоровского (об этом будет сказано далее).

* * *

Город Кострома на левом берегу Волги, впервые упоминаемый в летописи под 1213 годом, был основан, несомненно, раньше. Еще В.Н. Татищев в XVIII веке предполагал, что Кострому основал в 1152 году великий князь Юрий Долгорукий. Эта гипотеза в XIX столетии была поддержана некоторыми костромскими историками, а в XX веке – стала общепринятым мнением; не случайно центр города украшает сейчас памятник Юрию Долгорукому, воздвигнутый в 2003 году. В 1237 году монголо-татарские захватчики, разорявшие города и веси Русской земли, дошли и до Костромы. Обращенный в руины, этот небольшой город на границе Владимирского княжества был восстановлен великим князем Ярославом Всеволодовичем, носившим в крещении христианское имя Феодор. В честь своего небесного покровителя, святого великомученика Феодора Стратилата, великий князь возвел в Костроме деревянный соборный храм, посвященный этому угоднику Божию. Первый Костромской кремль, также деревянный, был построен у места впадения в Волгу небольшой реки Сулы (здесь, на пересечении современных улиц Пятницкой и Островского, сейчас находится памятный знак, установленный в 1977 году к официальному празднованию 825-летия Костромы).

В 1241 году у Ярослава Всеволодовича родился младший (из девяти сыновей) сын Василий, в 1246 году по кончине отца утвержденный на княжении в Костроме. Но в свой удел юный князь Василий Ярославич прибыл лишь по достижении совершеннолетия, в конце пятидесятих годов XIII века. Несомненно, самой яркой, запечатлевшейся в веках страницей истории костромского княжения Василия Ярославича стало явление ему чудотворной иконы Божией Матери, случившееся в конце пятидесятих – начале шестидесятих годов XIII века, 16 августа, на следующий день после праздника Успения Пресвятой Богородицы.

В популярной литературе и сейчас можно встретить указание на то, что явление Феодоровской иконы Божией Матери в Костроме произошло в 1239 году. Но это – ошибка, допущенная еще в XVII веке составителем второй, так называемой пространной редакции Сказания (полагают, что этим составителем мог быть

протопоп Феодор, служивший в 1636–1644 годах в Успенском соборе Костромы). Затем ошибочная дата обретения иконы князем Василием (напомним, родившимся лишь в 1241 году) перешла в третью, проложную редакцию Сказания, печатавшуюся в различных изданиях начиная с 1662 года. Но уже в XVIII столетии была отмечена неправильность такого указания (об этом говорилось в датированном 1719 годом рукописном «Извещении о великом князе Василии Костромском» и в сочинениях игумена Макариево-Унженского монастыря Леонтия [28, с. 212, 261–262]). В XIX–XX веках практически все костромские историки отмечали: явление чудотворной иконы в Костроме произошло не в 1239 году, а на рубеже пятидесятих–шестидесятих годов XIII века. Такого же мнения придерживается и большинство современных исследователей.

Приведем описание явления чудотворной иконы, составленное церковным ученым и публицистом, преподавателем Костромской духовной семинарии И.В. Баженовым на основании Сказания – но изложенное языком, понятным современному читателю.

«В 16[-й] день августа, помолившись в соборном храме по случаю церковного праздника перенесения Нерукотворенного Образа Христа Спасителя из Едессы в Царьград, князь Василий решил отправиться, по тогдашнему обычаю, на охоту. Город Кострома (...) был тогда довольно незначительный по пространству и народонаселению, окружен был дремучими лесами, в которых водилось много разных пушных зверей. Особенно ими богаты были наиболее лесистые северные окраины города, где ныне так называемая Запрудня, и южные окраины вблизи нынешней Воскресенской, что на Нижней Дебре, церкви. На этот раз князь Василий Ярославич в сопровождении слуг и гончих собак отправился в северную окраину города и едва успел отъехать от него немного более версты, как услышал в лесной чаще усиленный лай своих собак. Князь поспешил к тому месту в предположении, что собаки выследили большого и ценного зверя и, сверх ожидания, увидел стоящий на сосне образ Божией Матери в чудном сиянии. Это чрезвычайное явление, с одной стороны, привело князя в недоумение относительно того, откуда мог бы быть вынесен образ, когда в этом пустынном месте не было вблизи ни храмов Божиих, ни людских жилищ, а с другой – это явление вызвало великое в князе удивление тем, что такой иконы, какая была на сосне, он ранее не видал еще никогда. Предположивши чудесное явление образа, благочестивый князь Василий Ярославич в страхе и радости со слезами поспешно сошел с коня своего и, помолившись, приблизился к иконе с намерением снять ее с дерева и привезти в город. Но святая икона, к изумлению князя, невидимой силой поднялась по дереву выше прежнего своего места и оказалась недоступной для князя. Пораженный чудом и вместе опечаленный, он немного отступил от места явления иконы и с коленопреклонением, в сердечном сокрушении и со слезами стал умолять Матерь Божию о том, чтобы удостоила его принять в свои руки чудесную Ее икону для принесения в город Кострому. Затем князь вторично подошел к дереву с явленной иконой с прежним намерением снять

ее с дерева, но и на этот раз икона чудесно приподнялась выше и снова осталась для князя недоступной.

Уразумевши отсюда, что явление святой иконы даровано Промыслом Божиим не лично для него – князя, но и для всех жителей города Костромы, князь Василий Ярославич поспешно возвращается с охоты в город и здесь о столь дивном событии рассказал соборному протопопу и всему духовенству, также гражданам, усердием и благочестием которых в те времена были построены соборный и приходские храмы, и затем князь повелел тотчас устроить крестный ход с иконами на место явления ему иконы Божией Матери. Немедленно, при звоне колоколов и пении клириков, костромское духовенство во главе с протопопом открыло величественное крестное шествие на Запрудню в сопровождении князя Василия, бояр и множества народа. Вот эта духовная процессия, осеняемая многочисленными хоругвями, наконец по указанию князя достигла того места в чаще лесной, где явилась ему икона, и теперь все прибывшие увидели чудную икону на сосновом дереве, держимую невидимой силой. Убедившись, что икона эта необычная, новоявленная, прибывшие все с умилением и слезами коленопреклоненно стали умолять Пресвятую Матерь Божию – оказать им великую милость «пришествием», или принесением, явленной Ее иконы в город Кострому «на сохранение его и на заступление, и душам верующим на спасение, и болящим на исцеление, и бесам на прогнание». Совершенно было с особенным усердием молебное пение пред явленной святой иконой, и после того эта великая святыня допустила снять себя лишь священникам. Беспрепятственно на их же руках икона эта с великой честью в крестном ходе принесена в город Кострому и поставлена в соборной деревянной церкви во имя святого великомученика Феодора Стратилата – построение каковой церкви с вероятностью можно приписывать великому князю Ярославу Всеволодовичу в том предположении, что он, при святом крещении названный Феодором, воздвигнул ее в честь своего ангела.

Стоустая молва о принесении новоявленной иконы Божией Матери в город Кострому быстро разнеслась по окрестностям, и на другой же день в соборный храм снова стеклись на поклонение святой иконе многочисленные богомольцы не только из самого города, но и из ближайших к нему мест. Увидевши изображение пречистого лика Богородицы, многие из костромских граждан, не бывшие при встрече святой иконы в городе, теперь объявили князю, духовенству и всем богомольцам в храме, что еще накануне, в праздник честного Успения Божией Матери, они были очевидцами того, что эту самую икону пронес по городу Костроме некий воин в преукрашенной воинской одежде, подобный по изображению святому великомученику Феодору Стратилату. Это объявившееся важное обстоятельство привело всех к убеждению, что таким чудным воином был святой великомученик Феодор Стратилат, в храме имени коего была поставлена явленная икона Богородицы, и что он принес эту великую святыню в дар городу Костроме как покровитель его.

Отсюда-то и стала известна под названием Феодоровской та особенно в Костроме

многочтимая икона, которая так чудно явилась князю Василию Ярославичу» [3, с. 257–259].

Вскоре, как повествует далее Сказание, стала известна и прежняя история этого образа Богоматери. Пришедшие вместе с костромичами в соборный храм на поклонение новоявленной иконе жители Городца, занимавшиеся в Костроме торговлей – «гостьбу и куплю деюще на Костроме граде» [30, с. 214–215],

«как только вошли в храм во имя святого великомученика Феодора Стратилата для поклонения явленной иконе Божией Матери, тотчас же признали ее за свою чудотворную икону, которая как бы скрылась во время татарского погрома Городца, и об этом поведали открыто князю и костромичам, при чем рассказали о многих преславных чудесах, бывших от этой иконы в их городе. Но явленная князю Василию, ранее городецкая, великая святыня теперь стала составлять уже неотъемлемое и драгоценное сокровище города Костромы. Не имея возможности возвратит себе чудотворную икону Богоматери, жители Городца с восстановлением города вскоре же приобрели точный список своей святыни, переименованной в городе Костроме в Феодоровскую икону Божией Матери, который несомненно был уже в 1263 году, когда под сенью этой иконы [то есть списка – М.Ф.] принял схиму с именем Алексий князь Александр Ярославич Невский, на возвратном пути из татарской Орды в Россию скончавшийся 14 ноября в этом же году в Феодоровском Городецком монастыре, который устроен был на прежнем месте пребывания подлинной иконы в кладбищенской церкви» [3, с. 260–261].

* * *

Пребывание чудотворной Феодоровской иконы в Костроме при княжении Василия Ярославича было ознаменовано рядом событий, описанных в Сказании – и чудесных, и знаменательных для истории Костромской земли. Прежде всего, князь Василий устроил на месте явления ему образа Царицы Небесной, близ речки Запрудни на окраине города, первый «на Костроме» мужской монастырь:

«... и повеле на том месте, идеже обрете сию чудотворную икону, на реце глаголемей Запрудня церковь воздвигнути во имя Нерукотвореннаго Образа Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и монастырь устроить, и игумена повеле поставити и братию собрати, зане еще не бысть инога монастыря, но сей первоначальный монастырь на Костроме граде» [30, с. 215].

И.В. Баженов уточнял, что по древнему преданию «монастырь на Запрудне и в нем храм в честь Нерукотворенного Образа Спасителя сооружены были князем Василием Ярославичем немедленно или не позднее года по явлении ему иконы Божией Матери» [3, с. 274]. Посвящение храма Нерукотворенному Образу Спасителя объясняется тем, что чудотворная икона явилась князю Василию 16 августа (по

старому стилю), когда Православная Церковь празднует перенесение Нерукотворенного Образа из Едессы в Константинополь. Основанный благочестивым князем мужской монастырь, названный Спасо-Запрудненским, существовал до 1764 года. В середине XVIII века в обители была воздвигнута каменная церковь. В 1764 году при учреждении монастырских штатов иноческая обитель на Запрудне была упразднена, а церковь – доньше именуемая Спасо-Запрудненской – стала сначала ружной (бесприходной, получавшей средства на свое содержание от Успенского собора Костромы), а с 1861 года – приходской. Ежегодно в день явления иконы, 16 августа по старому стилю, многолюдный крестный ход с чудотворным Феодоровским образом Богоматери и другими костромскими святынями отправлялся из городского Успенского собора к Спасо-Запрудненской церкви. В советское время эта традиция прервалась, однако церковь на Запрудне стала одним из трех храмов Костромы, богослужение в которых на протяжении всего XX века не прекращалось. С 1990 года общегородской крестный ход 29 августа (по новому стилю) из кафедрального собора на Запрудню совершается, как и в древние времена, при участии духовенства и множества православных костромичей.

Согласно Сказанию, Феодоровская икона Божией Матери дважды чудесно сохранялась от огня в пожарах, уничтоживших деревянный соборный храм. Протоиерей Павел Островский так описывал эти события:

«Немного прошло времени после чудесного явления Феодоровской иконы Богоматери, как Пречистая снова явила Костроме чудесное знамение Своего к ней благоволения: деревянный храм, в котором была поставлена чудная икона, вскоре сгорел, а икона, никем не выносимая из храма, соблюлась невредима от огня неведомой силой; в непродолжительное время сгорел и вновь выстроенный деревянный храм, а святая икона также осталась невредимой, никем не вынесенная из храма. После первого пожара на третий день икона найдена совершенно невредимой в пепле пожарища; во второй пожар была видима выше пламени стоящей на воздухе» [21, с. 15].

О возможной датировке этих пожаров более поздним, чем княжение Василия Ярославича, временем мы скажем далее.

В 1262 году, вскоре после явления чудотворной иконы в Костроме, Пресвятая Богородица явила Свою милость к костромичам и в их ратном подвиге – чудесной помощью в битве с монголо-татарами при Святом озере. Так как упоминаний об этой битве в летописях не сохранилось, а в Сказании год события не указан, исследователи – начиная с Н.М. Карамзина – называли различные даты этого сражения: 1241, 1257, 1262, 1264 и 1277 годы. Основываясь на анализе всех этих вариантов, проведенном Н.А. Зонтиковым [11, с. 32–33], мы полагаем, что 1262 год – не только наиболее вероятная, но и единственно возможная дата этого события. В 1262 году многие русские города – Владимир, Суздаль, Ростов, Переславль-Залесский, Ярославль, Великий Устюг –

одновременно выступили против сборщиков дани для Орды. Такую дань с русских земель собирали по откупам мусульманские (обычно бухарские и хивинские) купцы, которых на Руси называли бесерменами – откуда и появилось слово «басурман». Монголо-татарский воинский отряд, сопровождавший бесермен (и, возможно, изгнанный вместе с ними из других русских городов), приступил к Костроме со стороны Ярославля, по левому берегу Волги, явно намереваясь захватить и разграбить город. Современный костромской историк Н.А. Зонтиков так излагает дальнейшие события:

«... в Костроме узнают о приближении татар, сопровождающих «бесермен» – восточных купцов-откупщиков. Как и в других городах, татар решают встретить с оружием в руках. Дружина князя переправляется через реку Кострому и проходит около двух верст до небольшого озера, где вскоре и происходит битва. Можно спросить – почему место для битвы было выбрано именно здесь? Почему врага не встретили, например, у стен города? Ясно, что это место было выбрано не случайно. Василий Ярославич, сын участника многих битв Ярослава Всеволодовича, брат Александра Невского, и сам, вероятно, был не последним полководцем своего времени – судя по всему, он решил устроить татарам у озера засаду.

Татары приближались к Костроме по одной из древнейших дорог Северо-Востока Руси. Эта дорога (трудно сказать, когда она возникла, но явно, что во второй половине XIII века она уже в каком-то виде существовала) шла по левому берегу Волги и соединяла между собой Ярославль и Кострому. Старинное название этой дороги – «луговая» – объясняет раннее ее появление: здесь, на низменных просторах вдоль Волги, не было сплошных массивов лесов, и, кроме весенних разливов, ничто не препятствовало движению по ней. Не доходя примерно двух верст до впадающей в Волгу реки Костромы, дорога упиралась в неширокое, но очень вытянутое в плане озеро, обойти которое было нельзя (видимо, еще в древности через него был переброшен мост).

Судя по всему, в XIII веке местность у озера была лесной. Дубовая роща, остатки которой существуют у Святого озера, как признавали многие историки, являлась остатком древних дубрав, покрывавших в прошлом район Заречья у впадения реки Костромы в Волгу.

В каком месте озера произошла битва с татарами? Логичнее всего предположить, что русская дружина не переходила через озеро, а ждала противника, имея озеро перед собой, вероятно, укрывшись в дубраве» [11, с. 35].

Поскольку опасность для Костромы была чрезвычайно серьезной, молодой князь Василий Ярославич и его небольшая дружина возложили свое упование не столько на воинскую силу, сколько на милость Божию и заступление Царицы Небесной. Костромичи взяли с собой на брань явленную икону Пресвятой Богородицы, усердно молились пред ликом Пречистой – и чудесная помощь не замедлила.

«И внезапно от чудотворнаго образа Пресвятыя Богородицы возсияша божественныя и пресветлыя лучи, паче солнечных луч и яко огонь пополяюще, и нападающе на них и пожигая татарския полки. И от того озарения и луч божественных и опаления вси противныя полки смятошася, и мнози от них ослепоша и друг друга не познаша. И вниде в них страх и трепет, и оружие их вниде в сердца их, и луцы их сокрушишася. И нападоша на них российстии полцы и побиша их многое множество» [30, с. 218–219].

Хотя в этих строках составитель Сказания несколько преувеличивает масштаб сражения, исход битвы понятен: после переправы через озеро неприятели – ослепленные и пораженные лучами, исходившими от иконы Богоматери – в страхе бежали прочь, тонули в воде, гибли от рук русских воинов. Сокрушив врага, костромская дружина торжественно возвратилась в город, неся с собой прославленный новым чудом образ Пречистой Девы. В память об этой битве озеро стали именовать Святым. На месте, где стояли костромские воины с иконой, вначале установили дубовый столб с помещенной на нем иконописной копией чудотворного Феодоровского образа, а в XIX веке вместо столба построили каменную часовню. К тому времени на противоположном, дальнем от Костромы берегу озера уже стояла еще одна часовня, воздвигнутая в память о другой битве: в 1609 году здесь же войска царского воеводы Давыда Жеребцова разгромили поляков и сторонников «тушинского вора», Лжедмитрия II.

В XX веке из двух часовен на Святом озере осталась лишь одна: та, что была построена на месте прежнего столба, разрушили в 1930 году. Оставшаяся часовня является теперь духовным памятником обеим славным битвам – и 1262, и 1609 годов. Добавим, что Святое озеро располагается на границе современного города Костромы и Костромского района, за рекой Костромой, в сторону от Ипатьевского монастыря. В советское время озеро переименовали в Некрасовское (под предлогом того, что знаменитый поэт Н.А. Некрасов бывал на охоте в этих местах). Однако в 2019 году по представлению администрации Костромской области правительство Российской Федерации возвратило озеру его древнее название – Святое.

По установившейся традиции, ныне ежегодно в конце сентября чудотворная Феодоровская икона приносится в расположенную близ Святого озера Ипатьевскую слободу Костромы. Здесь в Иоанно-Богословской церкви архиерейским чином совершается Божественная литургия с сугубым заупокойным поминовением героев-воинов минувших веков, а затем крестный ход с чудотворной иконой отправляется на Святое озеро к сохранившейся часовне.

* * *

Документальные известия о пребывании Василия Ярославича на княжении в Костроме весьма скромны. Известно, что в 1266 году он женился, и венчание князя в Феодоровском соборном храме совершил епископ Ростовский Игнатий: «В лето 6774

[1266]. Женился князь велики Василей меншой Ярославич Костромской, внук Всеволож, правнук Юрья Долгорукаго, и венчан бысть в церкви святого Феодора Игнатием, епископом Ростовским, на Костроме» [25, с. 145] (именование князя великим – примененная летописцем историческая экстраполяция). В 1272 году Василий Ярославич стал великим князем владимирским, но во Владимир не переехал, а остался жить в дорогой его сердцу Костроме до самой смерти, последовавшей на рубеже 1276–1277 годов. Костромичи горько оплакивали своего любимого князя, доброго и благочестивого. Летописцы впоследствии прославляли великого князя Василя за его личные добродетели, любовь и милость к церквам и духовенству [37, с. 44].

Погребение Василя Ярославича состоялось в том же соборном храме первого Костромского кремля. «Он так любил Феодоровский соборный храм и такими крепкими духовными узами был с ним связан, что завещал и похоронить себя в этом храме под покровом великой святыни костромской – чудотворного образа Богоматери» [15, с. 61]. На месте соборного Феодоровского храма в XVIII столетии была воздвигнута каменная Феодоровская церковь, обычно именовавшаяся Богоотцовской по посвящению одного из ее приделов (во имя святых и праведных Богоотец Иоакима и Анны, родителей Пресвятой Богородицы). В XX веке Богоотцовскую церковь разрушили, на ее месте (угол улиц Пятницкой и Островского, прежней Мшанской) сейчас находится жилой дом. Протоиерей Димитрий Лебедев указывал:

«Место, где погребен великий князь Василий Ярославич и где поживает его прах, в точности не известно, но едва ли можно сомневаться в том, что прах его донныне покоится под теперешней каменной церковью Феодоровской (Богоотцовской) на Мшанской улице, устроенной впоследствии на месте древней церкви святого Феодора Стратилата. В церковной летописи Феодоровской (Богоотцовской) церкви, составленной рукой известнейшего из настоятелей этого храма протоиерея Николая Вихрева, который служил при этом храме более 50 лет (с 27 августа 1825 года), относительно могилы великого князя Василя на обороте листа 53 записано следующее: "Из устных преданий получено местным священником Николаем Вихревым, вскоре по поступлении его на должность, сведение от костромских граждан Ивана Пет[ровича] Мыльников и Семена Иван[овича] Тютин, лично передавших, что около 1766 года [дата может быть не вполне точна, поскольку указ консистории о постройке церкви был дан лишь в 1768 году – М.Ф.] при рытии фундамента под строившуюся церковь, ныне существующую, была открыта гробница с надписью князя Василя Квашни и опять покрыта землей". Место это, как Мыльников и Тютин передавали, находится под царскими вратами Симеоновского придела; но записей никаких на это не сохранилось, что могло быть и оттого, что прежде бывшие на этом месте деревянные церкви неоднократно были уничтожаемы пожаром» [15, с. 61].

Тот же автор так описывал итоги княжения Василия Ярославича в Костроме:

«Можно с уверенностью сказать, что княжение Василия Ярославича есть самая блестящая страница в истории Костромы. Получив от своего отца Ярослава Всеволодовича город, обновленный после Батыева нашествия и более или менее укрепленный, он, нет сомнения, постарался украсить свой любимый город, с которым не намерен был расставаться всю жизнь, новыми зданиями: княжескими теремами и воеводскими дворами, и, по примеру других князей, для безопасности от нападения внутренних и внешних врагов – удельных князей, новгородских ушкуйников, татарских шаек и тому подобных – постарался, насколько возможно, лучше укрепить свою резиденцию, особенно в то время, когда сделался великим князем, и положить начало в Костроме той могучей по тому времени крепости, под защиту стен которой сто лет спустя укрывались от напавших на Русскую землю татар даже московские князья» [15, с. 56].

Сказание сообщает о том, что повелением князя Василия в Костроме был построен каменный Успенский собор, куда перенесли и Феодоровскую икону Богоматери. Но поскольку к этому известию следует отнестись критически, мы расскажем далее о связанных с нашей святыней событиях XIV–XV веков, а уже затем вернемся к истории строительства Успенского собора Костромского кремля.

Преемники Василия Ярославича – удельные князья Иоанн Дмитриевич и Борис Андреевич – не оставили сколько-нибудь примечательного следа в истории города, а впоследствии Кострома подчинилась московским князьям. Под осенением чудотворной Феодоровской иконы Царицы Небесной город рос и укреплялся, множились его здания и святые храмы. И все же бедствия, обычные для того времени, не обходили Кострому стороной. Летописи сохранили для нас память о костромских пожарах: 23 июля 1304 года соборный Феодоровский храм сгорел от молнии, ударившей в церковную главу при сильной грозе, а 30 июня 1413 года страшный пожар уничтожил почти весь город, при этом только церковью сгорело до тридцати [27, стб. 486]; столь же серьезный ущерб огненная стихия нанесла Костроме 31 марта 1493 года [27, стб. 501]. В 1364 году в костромских пределах распространилась моровая язва (эпидемия чумы), а в 1371 и 1375 годах Кострому захватывали и нещадно грабили новгородские разбойники-ушкуйники.

И все же, несмотря на эти печальные события, Кострома считалась укрепленным местом, «могучей крепостью, сильной не столько своими деревянными стенами, сколько покровом и заступничеством образа Богоматери» [15, с. 66]. В 1320 году здесь в Феодоровском соборном храме, пред ликом костромской святыни, состоялось венчание тверского князя Константина Михайловича с Софией, дочерью великого князя Юрия [25, с. 187], а в 1382 году – во время нашествия на Москву хана Тохтамышша – именно в Костроме укрылся от неприятелей благоверный великий князь Димитрий Донской со своим семейством. Игумен Макариево-Унженского монастыря Леонтий,

составивший в двадцатых–тридцатых годах XVIII века собственную редакцию Сказания о явлении и чудесах Феодоровского образа Пречистой Владычицы, при изложении событий 1382 года особо указывал на сложившееся к тому времени почитание чудотворной иконы – хранительницы Костромы:

«Во времена убо княжения великаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго, в лето 6890 [1382], бысть на Российскую землю нашествие нечестиваго ординскаго царя Тактамыша, внезапное и скорое. Великий же князь видев таковую великую печаль, нечестиваго царя внезап[н]ое нахождение, и яко уже ко граду Москве приближается, и несть возможно от иных градов воинства собрати; тем и не поиде противу поганаго царя на бой, обаче возложи упование на Бога и на заступление Пресвятыя Богородицы, уклонися от гнева того; и поим княгиню свою и дети, от'иде во град Кострому; (...) уповая великий князь, яко всесил[ь]ная и всемилостивая христианская Помощница Пресвятая Богородица, пребывающу ему на Костроме при чудотворней Ея и божественней иконе Феодоровской, не предаст его в руки безбожнаго того царя (...). По отшествии же поганаго того царя и воинства его, великий князь Димитрий Иоаннович, молебствовав пред образом Пресвятыя Богородицы и довол[ь]но благодарив Небесную Царицу за покровительство Ея и хранение, паки возвратися в царствующий град Москву со княгинею своею и с чады, и оттоле велию веру и любовь стяжаша ко всечестней сей иконе» [28, с. 348].

В 1409 году, когда на московские пределы напал властитель Золотой Орды Едигей, великий князь московский Василий Дмитриевич – сын святого Димитрия Донского – последовал примеру отца. Не успев собрать воинство, достаточное для отражения нападения, он

«с супругой и детьми убежал в Кострому, надеясь на крепкие стены и верность жителей, а главное на помощь местной святыни. Между тем Едигей приблизился к Москве и, узнав об отъезде великого князя в Кострому, отправил для преследования его к Костроме тридцатитысячную рать. Татары опустошили многие города великого княжения: Переславль-Залесский, Ростов, Дмитров, Серпухов, Нижний Новгород, Городец и другие, сожгли их, ограбили церкви и монастыри, захватили пленными множество жителей, но до Костромы не дошли, а возвратились назад. Видимо, Кострома обезопасена была от страшного врага покровительством Божией Матери» [15, с. 66].

После пожара 1413 года, уничтожившего первый Костромской кремль и почти весь город, великий князь Василий Дмитриевич – несомненно, с благодарностью вспоминая, как скрывался здесь от Едигея – повелел устроить новый Костромской кремль на другом месте: ниже по течению Волги, на холме, где впоследствии был воздвигнут соборный ансамбль (соборы Костромского кремля и величественная колокольня, разрушенные в 1934 году, сейчас восстанавливаются, а прилегающая территория именуется городским парком «Центральный»).

«Зная прежнюю сгущенность построек в месте прежнего кремля и опасность этого места в пожарном отношении как для глубоко чтимой костромской святыни, чудесно спасшейся в два первых пожара, так и для княжеских построек, он позаботился о перенесении на будущее время кремля на новое, еще более возвышенное место города, туда, где стоят и донныне каменные соборы; окружил это место валом и рвами и обнес деревянной стеной. Под 1416 годом в Воскресенской летописи и в Никоновской летописи [24, с. 88; 26, с. 231] встречаем известие, что в этот год "был заложен город Кострома", не восстановлен или обновлен, а, очевидно, вновь заложен на новом месте, где до того времени города не было» [15, с. 83–84].

Второй Костромской кремль стал настоящей крепостью, имевшей важное значение и при княжеских междоусобицах, и для борьбы с внешними врагами.

«Город Кострома был уже настолько укреплен, что служил местом убежища князей и сборным пунктом их ратей. За его крепкими стенами спасаются то сам великий князь Василий Васильевич в 1433 году, то дети князя Юрия – Василий Косой и Димитрий Шемяка, убежавшие от родительского гнева. В 1449 году князь Димитрий Шемяка подошел с большим войском к Костромскому кремлю, где находился двор великого князя Василия Васильевича, но защитники города воеводы Иван Васильевич Стрига и Феодор Басенок со многими боярскими детьми заперлись в твердых костромских укреплениях и так мужественно отразили неоднократные нападения галичских ратников, что Шемяка без всякой пользы вынужден был отступить от города. Около 1468 года на окрестности Костромы напал с войском казанский царь Ибрагим, опустошил соседние волости, многих жителей захватил в плен, но на сильные укрепления Костромы напасть не решился» [15, с. 107–108].

Духовным средоточием нового (второго) Костромского кремля стал каменный Успенский собор, под сводами которого чудотворная Феодоровская икона пребывала на протяжении последующих веков, до 1929 года. Отличительной и, можно сказать, уникальной особенностью Успенского собора являлось то, что его алтарь был обращен не на восток – как это обычно делается у православных храмов – а на север, в сторону Запрудни, где совершилось явление чудотворного образа. И теперь мы можем обратиться к, пожалуй, самому сложному вопросу, связанному с историей костромской святыни: когда же этот каменный собор был построен?

* * *

В первой (минейной) редакции Сказания повествуется, что каменный Успенский собор был воздвигнут великим князем, без указания имени, после двух уничтожавших Феодоровский соборный храм пожаров и битвы при Святом озере – и при этом собор созидался «внутри города»:

«И великий князь сотвори совет со горожаны, да поставит каменную церковь внутри

города во имя Пречистой Богородицы честнаго Ея Успения, еже на тот день прииде чудотворная икона от Городца на Кострому; великомученика Федора церковь да буде в приделе. (...) И сию чудотворную икону сподобяюще принесоша от церкви великомученика Федора в созданную церковь каменную во имя Ея и поставиша подле царских дверей против права клироса» [28, с. 293].

Во второй (пространной) редакции Сказания, получившей широкое распространение, великий князь именуется в этом эпизоде (как и во всем повествовании) Василием Георгиевичем – то есть речь идет о Василие Ярославиче. Неточность в имени князя – еще одна (кроме датировки явления иконы в Костроме 1239 годом) ошибка пространной редакции по сравнению с первоначальной, минейной [29, с. 168; 28, с. 176–178]. Такие ошибки, отметим, являются веским аргументом в пользу того, что пространная редакция создавалась позднее минейной. Д.С. Лихачев указывал: обнаружение в тексте одной редакции фактической ошибки по сравнению с другой редакцией обычно позволяет признавать редакцию, содержащую ошибочное чтение, позднейшей [16, с. 186].

Основываясь на Сказании, историки – прежде всего костромские – вплоть до начала XX века уверенно заявляли, что каменный Успенский собор в Костроме был построен князем Василием Ярославичем в XIII столетии [3, с. 262; 18, с. 39; 21, с. 16–17; 32, с. 110–113]. Но почему же тогда самого князя похоронили не в воздвигнутом им соборе, а в Феодоровском деревянном соборном храме? Почему – если каменный Успенский собор появился на холме над Волгой в XIII веке – кремль на этом месте был построен лишь в 1416 году? Мог ли храм, хранивший под сводами великую святыню, пребывать в то суровое время вне крепостных стен, без всякой защиты от различных неприятелей? И наконец, почему в 1320 году (через сорок с лишним лет по кончине Василия Ярославича), по летописному свидетельству, тверской князь Константин Михайлович венчался не в Успенском соборе, а опять же «в святем Феодоре на Костроме» [25, с. 187]?

Протоиерей Димитрий Лебедев по поводу последнего несоответствия отмечал:

«... венчание князя в церкви святого Федора Стратилата свидетельствует, что этот храм и в 1320 году был соборным, а Успенского каменного собора, очевидно, еще не было; в противном случае князь был бы венчан не в деревянном Феодоровском храме, а в новом Успенском соборе, в котором должна бы находиться и великая покровительница города, чудотворная икона» [15, с. 62].

В начале XX столетия исследователи, занимавшиеся историей Костромы, обоснованно сочли, что, «не имея для решения затронутого вопроса о времени построения Успенского собора достаточно свидетельств исторических, необходимо обратиться для этого к указаниям археологическим» [15, с. 80] (следует учитывать, что в описываемое время термин «археология» трактовался шире, чем сейчас, и подразумевал в целом науку о древностях). В 1909 году участники состоявшегося в

Костроме IV областного археологического съезда, посетив 26 июня Успенский собор, отметили,

«что он построен был первоначально в XIII веке в княжение Василия Ярославича Костромского; но неоднократные пожары и переделка совершенно изменили его первоначальный вид; даже кладка его стен, насколько можно судить о том по наблюдениям и впечатлениям, вынесенным из осмотра его подвалов, носит на себе следы XVII века» [1, № 15, с. 492].

Поясним, что съезд назывался «областным, в отличие от всероссийских, так как посвящен был вопросам археологии, имеющим отношение лишь к одной области – Ростово-Суздальской, обнимающей ныне губернии Владимирскую, Нижегородскую, Тверскую, Ярославскую и Костромскую» [1, № 13–14, с. 441].

По просьбе председателя съезда профессора Н.В. Покровского петербургский инженер и участник съезда И.Б. Михайловский специально обследовал подвалы Успенского собора и 27 июня доложил на заседании: никаких следов древней постройки XIII века им не обнаружено [1, № 16, с. 509–510]. Таким образом, утверждение о построении каменного Успенского собора князем Василием Ярославичем в XIII столетии базировалось лишь на тексте Сказания и вызывало серьезные сомнения.

При всем уважении к Сказанию и основанным на нем традициям – литературной, иконографической, литургической – следовало признать: некоторые описываемые в Сказании события (как и датировка явления иконы в Костроме 1239 годом) требуют критической оценки. И такая оценка была дана отцом Димитрием Лебедевым при подготовке магистерской диссертации (завершенной, напомним, в 1913 году). Отец Димитрий предположил, что книжники XVII века, составлявшие и дополнявшие Сказание (при этом не имевшие возможности обратиться к документам, утраченным в годы Смуты, и вынужденные основываться на устных рассказах, не лишенных противоречий), наряду с реальными событиями княжения Василия Ярославича – явлением чудотворной иконы, созданием на Запрудне монастыря, битвой при Святом озере – отнесли к тем же временам случившиеся значительно позднее, в XIV и XV веках, костромские пожары.

«Какие же два пожара отмечают все списки "повести о Феодоровской иконе Богоматери"? Очерки города Костромы и Успенского собора стремятся отнести их ко времени княжения князя Василия Ярославича, даже к первым годам после явления иконы этому князю. Но есть ли для этого достаточное основание в "повести"? Повесть составлена, как нами ранее сказано, из описания нескольких разновременных событий, без точного обозначения их времени и даже с допущением явного анахронизма относительно года явления чудотворной иконы. (...)

В течение почти четырехсот лет после явления Феодоровской иконы в лесу на реке Запрудне и до написания "повести" об этой иконе в XVII веке разные времена

событий, касающихся Феодоровского собора, в народном предании могли перепутаться и ясность их – затемниться, как это вышло и с самым годом явления иконы. Годы 1304 и 1413 в XVII веке в народном предании авторов повести могли вылиться в выражения "по сем мало времени преминув" и "мало времени преиде", тем более что второй пожар соборного храма в 1413 году случился в княжение тоже великого князя Василия (Димитриевича), соименного Василию Квашне и такого же строителя Костромы, как и его предок.

Поэтому не более ли основательно будет предположить, что два пожара собора Феодора Стратилата, о которых говорит "повесть", это и есть те пожары 1304 и 1413 годов, о которых упоминают летописи, а во время княжения в Костроме Василия Ярославича Квашни никаких пожаров этого храма и не было» [15, с. 63–64].

Строительство же каменного Успенского собора, как полагал отец Димитрий, началось в 1415–1416 годах.

«Не вполне ли естественно было этому князю [Василию Дмитриевичу – М.Ф.] в благодарность костромской святыне за спасение его с семейством в 1409 году от грозного врага, столь близко уже бывшего к Костроме, при перенесении центра города на новое место и устройстве здесь кремля прежде всего освятить это место построением нового, более безопасного от огня каменного собора для перенесения в него чудотворной иконы Богоматери, Покровительницы этого города?

По всей вероятности, великий князь и начал укрепление нового места с того, что на прежнем месте сгоревшего Феодоровского собора [в первом кремле – М.Ф.] выстроил небольшую деревянную церковь с прежним же наименованием для временного помещения чудотворного образа (...), а на новом месте в 1415 году заложил по образцу московских соборов, только в меньшем размере, новый каменный храм, который в 1416 году и начал обносить вместе с другими постройками новой кремлевской деревянной стеной и земляными валами» [15, с. 84].

Сколь ни грустно расставаться с красивой легендой о построении первого каменного храма Костромы добрым и благочестивым князем Василием Ярославичем в XIII веке, следует признать – Сказание отразило в этом повествовании не реальные факты, а ту «народную память», о которой писал русский историк В.О. Ключевский: «У народной памяти своя хронология и прагматика, своя концепция исторических явлений» [13, с. 25].

Но и суждение отца Димитрия о времени строительства собора подверглось в XX–XXI веках корректировке в результате (сколь это ни неожиданно) трагических событий 1934 года – когда Успенский собор был разрушен вместе с Костромским кремлем. В июле 1934 года началась разборка кремлевских храмов; они последовательно уничтожались сериями взрывов, а остающиеся кирпич и щебень направлялись на строительные нужды. Но за несколько дней до первых взрывов в Кострому прибыла группа специалистов из Москвы, чтобы зафиксировать (обмерить и

сфотографировать) гибнущие храмы. Входивший в эту группу архитектор С.С. Чижов наблюдал за постепенным разрушением Успенского собора, открывавшим до этого скрытые пристройками или новой кирпичной кладкой фрагменты древнего соборного здания. На основании этих наблюдений С.С. Чижов датировал Успенский собор XVI веком и предложил свою реконструкцию его первоначального вида. Впоследствии материалы, собранные в 1934 году, анализировал искусствовед Е.В. Кудряшов, поддержавший предположение о постройке Успенского собора в XVI столетии [14].

Наконец, уже в наши дни вопросом о времени строительства собора занялся московский архитектор Р.В. Цеханский, участвовавший в воссоздании Костромского кремля. Он подготовил доклад, в котором – сопоставляя исследования протоиерея Димитрия Лебедева, С.С. Чижова и Е.В. Кудряшова с другими сведениями из истории и архитектуры – делал обоснованный вывод: Успенский собор в Костромском кремле мог быть построен не ранее 1509 года и не позднее середины XVI века. Наиболее же вероятное время строительства собора, по мнению Р.В. Цеханского – период правления царя Василия III, то есть до 1533 года. К сожалению, Р.В. Цеханский не успел завершить свои исследования, поскольку скоропостижно скончался в августе 2017 года. Текст подготовленного им доклада был (после его кончины) опубликован в сети Интернет и печатных изданиях. Р.В. Цеханский указывал:

«Сегодня, уже после натурных исследований 1934 года, с датировкой каменного собора ни XIII, ни XV веком невозможно согласиться. Опираясь в своем генезисе на раннемосковское зодчество, а также зодчество итальянцев, работавших в Московском Кремле в начале XVI века, собор являлся произведением другого времени. (...)

Нижнюю планку даты его строительства помогает установить карнизный пояс, отделявший поля закомар от плоскости стен. Этот первоначальный карниз прекрасно виден на фото собора без штукатурки и находился метра на полтора ниже надстроенных в XVII веке стен четверика. Такой карниз – находка итальянских зодчих, затем распространен в провинции с начала XVI века, появляется впервые в 1509 году в Архангельском соборе (и как вариант – в церкви святого Иоанна Предтечи под Бором 1508 года) в Московском Кремле.

То же можно сказать и о внутренних столбах, в плане имеющих не квадратную форму, а форму квадрата «с закрестиями»: то же преобладание форм начала – первой половины XVI века, не ранее. То есть собор не мог быть построен ранее 1509 года.

Верхнюю планку даты строительства собора позволяет найти такая деталь, как его первичное одноглавие. (...) ... будучи изначально одноглавым, костромской собор вряд ли мог быть построен после середины XVI века. После 1547 года (венчания Иоанна Грозного на царство) пятиглавие стало доминирующим признаком, так что во всех северо-восточных землях Московского государства в XVI веке не было построено

более ни одного одноглавого собора» [35, с. 124–125].

Из всего сказанного следует заключить, что первоначальный Успенский собор, воздвигнутый в XV столетии в Костромском кремле, был деревянным – и лишь спустя век сменился каменным храмом. При археологических раскопках, проводившихся на территории Костромского кремля в 2016 году, у южной стены разрушенного Успенского собора на глубине четырех метров обнаружили следы частокольной линии, не соответствующей контурам каменного храма. Возможно, это – следы первого, деревянного Успенского собора, построенного в XV веке.

Отметим и то, что в хронологически первой редакции Сказания (минейной) усвоение чудотворной иконе именованная Феодоровской связывается с перенесением ее из старого соборного храма в новый Успенский собор.

«И егда освятиша храм во имя Пречистыя Богородицы, и от толе начаше именовати Ея многочудесная икона Феодоровская, иже и донынь имянуема, по сему же принесена нань от древния соборныя церкви внутрь града, во имя Ея созданную соборную» [28, с. 293].

С учетом сделанных выше замечаний можно предполагать, что главная святыня Костромы стала именоваться Феодоровской во второй половине десятих годов XV века.

* * *

В целом хронология событий XII–XVI веков, связанных с Феодоровской иконой, может выглядеть так.

1164 год – первое чудо от иконы (еще не называемой Феодоровской) в Городце, при святом благоверном великом князе Андрее Боголюбском. Великий князь Андрей основывает в Городце монастырь, образ Царицы Небесной становится главной святыней обители.

1238 год – монголо-татарские полчища разоряют Городец и монастырь, чудотворная икона исчезает из города.

Конец пятидесятих – начало шестидесятих годов XIII века (примерно 1258–1261 годы), 16 августа – явление чудотворной иконы князю Василию Ярославичу под Костромой. На месте явления, вблизи речки Запрудни, князем основывается монастырь, а образ Божией Матери становится главной святыней Феодоровского соборного храма Костромы.

1262 год – битва при Святом озере.

1266 год – женитьба князя Василия Ярославича, венчание совершается в Феодоровском соборном храме.

1272 год – Василий Ярославич становится великим князем владимирским, но остается

жить в Костроме.

Январь 1277 года – в Феодоровском соборном храме совершается погребение великого князя Василия Ярославича, скончавшегося в возрасте 35 лет. На погребение съезжаются русские князья.

«Тут были: Борис Василькович ростовский, Глеб Василькович белозерский, Михаил Иванович стародубский, внук Всеволода Юрьевича, Дмитрий Александрович переяславский и Федор Ростиславич ярославский» [37, с. 44].

23 июня 1304 года – Феодоровский соборный храм Костромы гибнет в огне после удара молнии в его главу. Возможно, это – первый пожар из описываемых Сказанием; после него на третий день чудотворный образ обнаруживается в пепле пожараща совершенно невредимым.

1320 год – во вновь построенном после пожара Феодоровском соборном храме пред ликом костромской святыни совершается венчание тверского князя Константина Михайловича с дочерью великого князя Софией.

1382 год – в Костроме укрывается от нашествия хана Тохтамыша святой благоверный великий князь Димитрий Донской.

1409 год – следуя примеру отца, в Костроме скрывается от неприятелей великий князь Василий Дмитриевич.

30 июня 1413 года – сокрушительный пожар уничтожает Кострому, гибнет и Феодоровский соборный храм. Возможно, это – второй пожар из описываемых Сказанием; во время пожара костромичи видят чудотворную икону стоящей над пламенем, как будто поддерживаемой ангелами.

1416 год – по повелению великого князя Василия Дмитриевича начинается строительство второго Костромского кремля (взамен сгоревшего) на новом месте. Видимо, тогда же в новом кремле воздвигается Успенский соборный храм (первоначально деревянный). Сюда из небольшой деревянной церкви, построенной взамен сгоревшего Феодоровского соборного храма, переносится чудотворная икона Божией Матери, которая получает именование Феодоровской.

«В этом новом кремле (...) сосредоточилась вся церковная, административная и городская жизнь. Город как бы переместился на другое место и стал расти вниз по берегу реки Волги. Старый город с соборным храмом Феодора Стратилата скоро превратился в посад, около нового кремля постепенно образовались и другие посады» [15, с. 104].

31 марта 1493 года – пожар уничтожает город Кострому. Можно предполагать, что это бедствие коснулось и деревянного Успенского соборного храма в Костромском кремле, послужив побудительной причиной для строительства (хотя и не в ближайшее после этого время) каменного собора.

Не ранее 1509 и не позднее 1533 года – во время правления царя Василия III в Костромском кремле строится каменный Успенский собор с приделом во имя святого великомученика Феодора Стратилата.

«В XVI и начале XVII веков костромской Успенский собор представлял собой двухстолпный, одноглавый, трехапсидный храм с позакомарным покрытием и высоким сводчатым подклетом. Придельная церковь Феодора Стратилата была устроена или в одной из апсид (скорее всего в северной), или "отдельною статьею" около северо-восточного угла собора» [14, с. 7].

В этом каменном Успенском соборе пребывала чудотворная Феодоровская икона Божией Матери, которая в XVII–XVIII столетиях станет святыней не только всероссийски чтимой, но и родовой, семейной для царственного Дома Романовых.

Список литературы

1. IV областной археологический съезд в городе Костроме // Костромские епархиальные ведомости [далее – КЕВ]. 1909. № 13–14. Отдел неофициальный. С. 441–451; № 15. Отдел неофициальный. С. 484–494; № 16. Отдел неофициальный. С. 509–514.
2. Александр (Могилев), архиепископ Костромской и Галичский. Чудотворная Феодоровская икона Божией Матери. Кострома, 2004.
3. Баженов И.В. Костромские святыни – Феодоровская икона Божией Матери в Успенском соборе и Нерукотворенный образ Христа Спасителя в Спасо-Запрудненском храме // Баженов И.В. Статьи 1887–1916 годов. Кострома, 2019. С. 255–287 [первая публикация: КЕВ. 1910. № 24. Отдел неофициальный. С. 753–772; 1911. № 2. Отдел неофициальный. С. 29–44].
4. Баженов И.В. По вопросу о древних списках с чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери // Баженов И.В. Статьи 1887–1916 годов. Кострома, 2019. С. 249–254 [первая публикация: КЕВ. 1910. № 23. Отдел неофициальный. С. 724–730].
5. Бахарева Н.Н. К вопросу о происхождении иконы «Богоматери Федоровской» // Городецкие чтения (материалы научной конференции). Городец, 10–13 мая 1994 года. Городец, 1995. С. 137–157.
6. Брюсова В.Г. Гурий Никитин. М., 1982.
7. Виноградова С.Г. К вопросу о происхождении чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери // Светоч: Альманах. 2008. № 3. Кострома, 2008. С. 103–108.
8. Голубцов А.П. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери // Богословский вестник. 1911. Том 3. № 10. С. 364–371 (2-я пагин.) [другая публикация той же статьи: Голубцов А.П. Сборник статей по литургике и церковной археологии. Сергиев Посад, 1912. С. 137–144].
9. Грабарь И.Э. О древнерусском искусстве. М., 1966.

10. Дебольский Г.С., протоиерей. Дни богослужения Православной Кафолической Восточной Церкви. Изд. 9-е. Том I. СПб., 1894.
11. Зонтиков Н.А. На Святом озере // Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Выпуск 3. Кострома, 1995. С. 29–77.
12. Каган М.Д. Сказание о иконе Богородицы Федоровской // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Выпуск 3 (XVII век). Часть 3. П–С. СПб., 1998. С. 407–412.
13. Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Том второй. Курс русской истории. Часть вторая. М., 1988.
14. Кудряшов Е.В. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме // Кудряшов Е.В. Художественная культура Костромского края XVI–XIX вв. Кострома, 2004. С. 5–9 [первая публикация: Кудряшов Е.В. К вопросу о первоначальных формах Успенского собора в Костроме // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 146–150].
15. Лебедев Д.И. [протоиерей]. История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богородицы, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010.
16. Лихачев Д.С., при участии Алексеева А.А. и Боброва А.Г. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001.
17. Масленицын С.И. Икона «Богородицы Федоровской» 1239 г. // Памятники культуры: новые открытия. Письменность, искусство, археология. Ежегодник 1976. М., 1977. С. 155–166.
18. Миловидов И.В. Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Феодоровича. Кострома, 1886.
19. Настольная книга священнослужителя. Том 3. М., 1979.
20. Нечаева Т.В. «Сказание о Федоровской иконе» первой трети XVII века: местная легенда и литературный текст // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 6. Часть 1. М., 1994. С. 140–164.
21. Островский П.Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. Кострома, 1864.
22. Островский П.Ф., протоиерей. Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора, составленное того собора священником П. Островским. М., 1855.
23. Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. Кострома, 2004.
24. Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографической комиссией [далее – ПСРЛ]. Том восьмой. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.
25. ПСРЛ. Том десятый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1885.

26. ПСРЛ. Том одиннадцатый. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897.
27. ПСРЛ. Том пятнадцатый. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863.
28. Радеева О.Н. Сказание о Федоровской иконе Пресвятой Богородицы в книжной культуре России XVII–XVIII вв. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2011.
29. Рыжова О.А. Чудеса Федоровской иконы Богоматери по литературным и изобразительным источникам XVII–XIX вв. // Краеведческие записки. Выпуск VI. Кострома, 2003. С. 164–176.
30. Сказание о явлении и чудесах Федоровской иконы Богоматери / публ. и предисл. И.В. Баженова // Вестник археологии и истории, издаваемый Императорским Археологическим институтом. Выпуск XIX. СПб., 1909. С. 187–260.
31. Соколов В.А., священник. Описание и критический разбор рукописей, имеющих в библиотеке Костромской ученой архивной комиссии и содержащих службу и сказания о явлении и чудесах Федоровской иконы Божией Матери // Костромская старина. Сборник, издаваемый Костромской губернской ученой архивной комиссией. Выпуск пятый. Кострома, 1901. С. 195–264.
32. Сырцов И.Я., протоиерей. Костромской Успенский кафедральный собор // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. Кострома, 2018. С. 104–153 [первая публикация: КЕВ. 1908. № 19. Отдел неофициальный. С. 501–520; № 21. Отдел неофициальный. С. 552–561; № 22. Отдел неофициальный. С. 581–592; № 23. Отдел неофициальный. С. 606–614].
33. Сырцов И.Я., протоиерей. Сказание о Федоровской чудотворной иконе Божией Матери, что в городе Костроме. Кострома, 1908.
34. Тихомирова Е.Л. Федоровский образ Пресвятой Богородицы. Сказание в иконе. М., 2009.
35. Цеханский Р.В. О дате первоначального Успенского собора города Костромы // Кадашевские чтения: Сборник докладов конференции. Выпуск XXIV. М., 2019. С. 115–132.
36. Шалина И.А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Корсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 200–236.
37. Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Том 1. СПб., 1889.
38. Юрьева Т.В. Почитание чудотворных икон в Ярославле конца XVI – середины XVII вв. // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 202–207.